

**Причины и формы участия народов  
центральноазиатских окраин Российской империи  
в мусульманском движении начала XX в.\***

*Ю.А. Лысенко*

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**The Causes and Forms of the Participation of Central Asian  
Peoples of the Russian Empire Borderlands in the Muslim  
Movement in the Early 20th Century**

*Yu. A. Lysenko*

Altai State University (Barnaul, Russia)

В статье анализируются причины и основные формы участия коренных народов центральноазиатских окраин Российской империи в общероссийском мусульманском движении в начале XX в. Причиной этого стала политика интеграции, которая проводилась в отношении данного этнорегиона на протяжении второй половины XIX — начала XX в. Автор статьи подчеркивает, что интегральные устремления государства имели крайне противоречивые последствия. С одной стороны, они способствовали политизации народов национальных окраин, создавали условия для формирования российского суперэтноса и сохранения территориальной целостности империи. С другой стороны, культурно-языковая унификация, ставшая определяющим аспектом интеграционной политики, выступала одной из основных причин роста этнического самосознания и консолидации народов национальных окраин, в том числе на основе идей пантюркизма и панисламизма, что в конечном итоге способствовало усилению центробежных тенденций.

Интеграция народов Центральной Азии в общероссийское мусульманское движение в период Первой русской революции выразилась в их участии в «петиционной кампании», общероссийских съездах мусульман, религиозно-партийном строительстве. Важным аспектом данной интеграции стало «подключение» этноэлит Центральной Азии к работе в Мусульманской фракции Государственной думы Российской империи. В то же время автор статьи подчеркивает, что по своему внутреннему содержанию и требованиям религиозное движение мусульман Степного края и Туркестана имело отличительные особенности. Последние определя-

The article analyzes the causes and the main forms of participation of the indigenous peoples of Central Asian borderlands of the Russian Empire in the all-Russian Muslim movement in the early 20th century. The reason for this was the policy of integration, which was carried out in relation to this etnoregion during the second half of the 19th — early 20th century. The author of the article emphasizes that the integral aspirations of the state have very contradictory consequences. On the one hand, they contributed to the politicization of the peoples of the national borderlands, created the conditions for the formation of the Russian super-ethnos and preservation of the territorial integrity of the empire. On the other hand, cultural and linguistic unification became the defining aspect of integration policies, served one of the main causes of the ethnic identity growth and consolidation of the peoples of the national suburbs, also on the basis of the ideas of Pan-Turkism and Pan-Islamism which ultimately contributed to the strengthening of centrifugal tendencies.

Integration of Central Asian nations in the all-Russian Muslim movement during the First Russian Revolution manifested in their participation in the “petition campaign”, all-Russian congresses of Muslims, religious and party building. An important aspect of this integration was the connection of Central Asian etnoelites to the work in the Muslim fraction of the State Duma of the Russian Empire. At the same time, the author emphasizes that in its inner content and requirements the religious movement of Muslim Steppe Region and Turkestan had some distinctive features. The latter is determined by the peculiarities of the legal status of Muslim communities in the region in the ethno-social structure of the Russian society.

\* Статья выполнена при поддержке РГНФ. Проект № 15-31-12023 «Революции 1917 г. в России и „национальный вопрос“ (на примере центральноазиатских национальных окраин)».

лись особенностями правового положения мусульманских общин региона в этносоциальной структуре российского общества.

**Ключевые слова:** Российская империя, Центральная Азия, мусульманское движение, революция, этничность, самосознание.

DOI 10.14258/izvasu(2016)4-16

В современной историографии утвердилось мнение о том, что на протяжении последних десятилетий XIX — начала XX в. в национальной политике России преобладали интеграционные тенденции, направленные на создание единого общеимперского политического и социально-экономического пространства [1; 2]. В связи с этим инкорпорирование центральноазиатских регионов империи — Степного края и Туркестана — по своему содержанию, по сути, представляло попытку модернизации традиционных социальных институтов и связей, системы жизнеобеспечения коренных этносов. Практическая реализация данного курса означала проведение совокупности реформ и мероприятий, направленных на внедрение новых рационально организованных (с точки зрения имперского мышления) форм администрирования и суда, развитие системы светского школьного образования, медицины, усиление социальной мобильности народов региона и их вовлечение в процесс создания рыночного сектора экономики и городской инфраструктуры [3].

Интегральные устремления государства, по мнению исследователей, имели крайне противоречивые последствия [4–6]. С одной стороны, они оказывали благоприятное воздействие на народы национальных окраин, способствовали их политизации, включению в систему общеимперского разделения труда и, в конечном итоге, создавали условия для формирования российского суперэтноса и сохранения территориальной целостности империи. С другой стороны, культурно-языковая унификация, ставшая определяющим аспектом интеграционной политики, выступала одной из основных причин роста этнического самосознания и этнической консолидации народов национальных окраин и, как следствие, росту центробежных тенденций [7, с. 42; 8, с. 166]. В связи с этим участие народов национальных окраин в общественно-политическом движении начала XX в. рассматривается исследователями как одна из форм национально-освободительного движения. При этом подчеркивается, что серия законодательных актов 1903–1906 гг., направленных на решение широкого спектра национальных проблем в рамках «еврейского», «польского», «мусульманского», «инородческого» вопросов, «„развязала руки“ формирующимся национальным

**Key words:** Russian empire, Central Asia, the Muslim movement, revolution, ethnicity, identity.

элитам» и ускорила организационное оформление национально-освободительных движений [9, с. 37].

Особое внимание в исследованиях проблем национальной политики Российской империи ученые уделяют мусульманским этнорегионам. Изучение данной проблемы сопряжено с появлением значительного числа сюжетных линий: истории развития всероссийского мусульманского движения начала XX в., «мусульманского национализма» татар, башкир, генезису и развитию мусульманского культурного реформаторства, феминистского мусульманского движения, проблем исторического сознания мусульманских народов, их участия в общественно-политическом движении начала XX в. [10–14]. Однако в общей канве исследований, посвященных истории мусульманского движения в Российской империи в начале XX в., малоисследованной остается проблема участия народов центральноазиатских окраин в данных процессах. В связи с этим представленная статья является попыткой восполнить существующий пробел.

В центральноазиатских национальных окраинах Российской империи в начале XX в. проживало около 7 миллионов мусульман, что составляло 90,29% от численности мусульман страны. Данное обстоятельство вынуждало правительственные круги уделять пристальное внимание вопросам религиозного развития региона с учетом его возможных вызовов и угроз территориальной целостности империи. Так, в Степном крае региональная модель религиозной политики была направлена на создание системы мер и противовесов развитию исламских институтов, исключению мусульман из сферы влияния татарских мулл и общероссийского мусульманского движения. Реализация данного плана стала возможной благодаря изъятию религиозных дел населения Степного края из компетенции Оренбургского мусульманского духовного собрания и введению на законодательном уровне запрета проведения исламской пропаганды в степи, ограничений на количество мулл из местной этнической среды и развитие мусульманских образовательных учреждений. В Туркестанском генерал-губернаторстве власти следовали курсу полного игнорирования развитой в регионе системы исламских институтов, сокращения сферы деятельности исламских духовных лидеров,

искусственного сдерживания процесса открытия мусульманских культовых центров, благотворительных и просветительских организаций [15, с. 45–52].

Последствия религиозной политики Российской империи в отношении центральноазиатского общества носили крайне противоречивый характер. С одной стороны, реформы выступили отправным рубежом, простимулировавшим консервацию социально-экономических основ системы жизнедеятельности традиционных обществ региона и возрождение «этнопсихологических стереотипов» предыдущей эпохи. Ограничительные меры в духовно-религиозной сфере вызвали, например, резкий рост исламизации казахского общества, идеология и ритуальная практика ислама стала восприниматься как важная составляющая этнического самосознания. В то же время ограничительный характер имперского законодательства в регулировании жизни мусульманских общин Степного края и Туркестана способствовал осознанию их языковой и конфессиональной общности (пантюркизм и панисламизм) с мусульманскими народами Российской империи и интеграции в общероссийское мусульманское движение. Как отмечает Д. Усманова, «религиозная и, отчасти, культурная и языковая близость являлись фактором, выполнявшим позитивную объединяющую роль» для мусульман отдельных этнорегионов Российской империи [13, с. 68].

Наиболее ярко данные тенденции обозначились в годы Первой русской революции. В 1905 г. началась так называемая петиционная кампания, в ходе которой в центральные правительственные органы России стали поступать прошения-петиции от мусульманских регионов империи: Казанской, Вятской, Уфимской, Пермской, Самарской, Оренбургской губерний, татар Касимовского уезда Рязанской губернии и Буинского уезда Симбирской губернии. Только, например, в первые месяцы 1905 г. в Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД было передано 256 прошений от мусульман ряда губерний страны [16, л. 1–324].

Поводом к началу кампании послужил указ императора Николая II о свободе вероисповедания, открывавший надежду на уравнивание в правах всех конфессий страны. Петиции поступали в Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД, Совет министров и Правительственный сенат. Исследователи отмечают, что ни одна из них не содержала революционных идей, призывавших к свержению или реформированию существующей политической системы в государстве. Напротив, мусульмане всех регионов подчеркивали свою преданность российскому монарху, в верноподданнических тонах благодарили императора за дарованную указами 1903–1905 гг. веротерпимость и свободу вероисповедания [9, с. 37]. Основной упор в петици-

ях делался на описание накопившихся у мусульман проблем и формулировку конкретных предложений в деле реформирования и дальнейшей организации повседневной жизни мусульманских общин.

Население Степного края активно включилось в петиционную кампанию мусульман России. На протяжении 1905–1906 гг. прошения поступили от 26 волостей Акмолинского уезда, двух волостей Петропавловского уезда, одного уезда Кокчетавской волости Акмолинской области, от нескольких волостей Семипалатинского уезда Семипалатинской области, а также от казахской и татарской мусульманских общин Семипалатинска, Петропавловска, Лепсинска и Верного [17, л. 132].

Причиной участия населения центральноазиатских окраин в данной гражданской акции стало наличие общих с мусульманскими общинами отдельных этнорегионов России проблем, связанных с особенностями их правового положения в этноконфессиональной структуре российского общества. Поэтому в петициях от исламских регионов — Поволжья, Сибири, Туркестана и Степного края — затрагивались идентичные вопросы целесообразности введения воинской повинности для мусульман России, функционирования мусульманской школы и преподавания в ней русского языка, высказывались идеи о необходимости включения в семейное и наследственное право, действовавшее в государстве, отдельных положений шариатского права.

В то же время в петициях мусульманских общин отдельных этнорегионов России прослеживаются региональные требования, связанные со своеобразием их правового статуса в общемусульманском законодательстве. Так, для мусульман Казанской, Уфимской, Оренбургской губерний главной была проблема полной свободы вероисповедания, свободы веры. Ее решение виделось через изъятие из ведения Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД всех духовных дел мусульман империи (избрание муфтиев, строительство мечетей и молитвенных домов, вопросы мусульманского образования на всех уровнях и т. д.) с последующей их передачей в компетенцию Оренбургского мусульманского духовного собрания. При этом мусульмане апеллировали к существующим в Российской империи принципам организации жизни православного населения, подчинявшегося исключительно Святейшему Синоду. Кроме этого, тюркские народы Поволжья и Урала требовали предоставления им права проведения мусульманской пропаганды, которая по Духовному уставу империи была предоставлена только официальной государственной религии — православию. Ряд петиций содержал просьбы «не открывать при медресе русских классов» и «вести преподава-

ние только на родном языке». Таким образом, вопрос свободы веры осознавался этой частью мусульман империи через уравнение мусульманской уммы в правовом смысле с положением Русской православной церкви и православной общины.

Мусульмане центральноазиатских окраин Российской империи свободу вероисповедания рассматривали в иной плоскости. Это было обусловлено тем, что религиозная политика государства исключала возможность создания для них Особого духовного правления, по аналогии с Оренбургским, Таврическим и двумя Закавказским (для суннитов и шиитов) мусульманскими духовными собраниями. В Степном крае и Туркестанском генерал-губернаторстве духовно-религиозные вопросы мусульман были переданы в ведение МВД России, текущие вопросы рассматривались в региональных органах власти — областных правлениях. Поэтому центральной проблемой петиций мусульман центральноазиатских окраин являлось обоснование необходимости открытия Особого духовного правления или передачи всех дел, связанных с функционированием мусульманских общин края, в ведомство Оренбургского духовного собрания [18, с. 341–348]. Таким образом, вопрос свободы веры для них сводился к уравнению в правах с другими мусульманскими народами России.

Религиозное движение мусульман Российской империи в годы Первой русской революции активизировало процесс их организационного оформления. В августе 1906 г. сторонники пробуждения национального самосознания мусульманских народов из Поволжья, Закавказья, Степного края и Туркестана провели Первый всероссийский съезд мусульман, на котором был создан Всероссийский мусульманский союз — Иттифак аль-муслимин, или сокращенно «Иттифак» — «Союз». Его главным требованием стало «уравнение народов России во всех политических, гражданских и религиозных правах» [19, с. 46–58]. На съезде также рассматривался широкий круг вопросов политического реформирования страны. Идеалом некоторых лидеров мусульманского движения виделась парламентская демократическая республика с культурно-национальной автономией для дисперсных мусульманских групп (поволжских, сибирских татар и др.). Их оппоненты, признавая единство российских мусульман, отстаивали переустройство России на федеративных началах с предоставлением ее народам национально-территориальной автономии [20, с. 7].

Важным следствием мусульманских съездов России в революционный период стало идейное оформление джадидизма. Последний ставил своей целью обновление ислама, т.е. осмысление его и толкование философских, правовых норм в соответствии с новой исторической ситуацией,

демонстрировавшей все более углубляющийся разрыв в сфере экономической, научно-технической жизни между мусульманскими народами и странами Запада. Джадидизм, таким образом, по мнению Л.Р. Полонской, стал «главной формой выражения политического сознания мусульман», «формой выражения собственного стремления мусульманских народов выжить в условиях общественного развития» [21]. В этой связи среди своих первоочередных и основных целей реформаторы рассматривали просвещение, «приобщение мусульман к современным достижениям европейской мысли» [22, с. 40].

Результатом участия на Первом Всероссийском съезде мусульман 1906 г. представителей Степного края и Туркестана стало принятие решений о реорганизации их духовного управления. В частности, в постановлениях съезда было зафиксировано образование Туркестанского духовного управления во главе с шейхуль-исламом. Кроме этого, решением съезда было признано целесообразным разрешить в каждом аульном обществе Степного края строить по одной мечети и медресе. У казахов, «как и у других мусульман, имамы должны обучать детей, при неспособности имамов к учительской деятельности в их приходы должны быть назначаемы особые учителя-мугаллимы» [23, с. 301].

Важно подчеркнуть тот факт, что «мусульманское движение» в России в революционный период 1905–1907 гг. и в последующий период не опиралось на авторитет исламского духовенства и исламских духовных властей в лице лидеров Оренбургского, Таврического и Закавказских мусульманских духовных собраний. Это заставляет не без основания сомневаться в «смысловой сущности самого названия». Как правило, лидерами этого движения становились представители этноэлит, интегрированные в социально-политические процессы страны, способные адекватно оценивать перспективы модернизации для своих народов и формулировать в соответствии с ними национальные идеи [9, с. 47–48]. Поэтому мусульманское движение стало составной частью общественно-политического движения в Российской империи и одновременно составной частью национальных движений, а Мусульманская партия, созданная в 1906 г. в Нижнем Новгороде, выступила в роли механизма решений национальных задач, а для центральноазиатской национальной интеллигенции — возможностью еще раз заявить о колониальных проблемах региона.

Представители национальной интеллигенции Туркестана возглавили джадидизм, который вышел из первоначальных культурнических рамок и приобрел ярко выраженную окраску буржуазно-либерального политического движения и идеологического течения. Социальной базой джадидизма

были преимущественно буржуазные слои населения Туркестана и часть узбекской и таджикской интеллигенции. Признавая очевидные объективно-позитивные последствия российской колонизации края, представители национальной интеллектуальной элиты, тем не менее, прекрасно понимали, что в условиях политической и экономической зависимости, в которой находились туркестанцы, в их общественном сознании будет стремительно расти чувство национальной ущербности и неполноценности, что самым губительным образом может сказаться на темпах и перспективах развития центральноазиатских народов как современных и самодостаточных наций. Поэтому они высказывались за необходимость ликвидации некоторых традиционных обрядов, стеснительных для нарождающейся буржуазии, за ограниченную реформу ислама и религиозных школ, за приспособление ислама к буржуазному развитию национальных окраин Российской империи и потребностям национальной буржуазии. Они предлагали пересмотреть традиционную общественно-философскую систему с позиций развития культуры, науки и образования, выступили инициаторами создания новометодных школ со звуковой системой обучения и образовательной программой преподавания, в которую были включены светские дисциплины: история, арифметика, география, родной язык и другие предметы.

Созданная идеология туркестанского джадидизма все-таки не позволила ему приобрести определенную организационную форму вплоть до 1917 г. Поэтому практическая деятельность его представителей была связана с издательством джадидских газет и журналов («Таракки», «Шухрат», «Хуршид», «Садои-Туркистон» в Ташкенте; «Самарканд», «Ойина» в Самарканде; «Турон», «Бухорои-Шариф» в Бухаре; «Садои-Фаргона» в Коканде и др.), созданием в крае новометодных школ, благотворительных обществ, национальных театров и т. п. В межреволюционный период 1907–1917 гг. по инициативе прогрессистов Туркестана были созданы первые общественно-политические организации: «Гайрат», «Тараккийпарвар», «Турон» и др. [24].

Следует отметить, что туркестанский джадидизм развивался при активном взаимодействии с татарским, азербайджанским и младотурецким джадидизмом. Религиозные деятели Туркестана вели переписку с лидером мусульманского движения России И. Гаспринским по поводу открытия в Верном отделения общества «Таракион-Ислам» («Прогресс мусульман»). В целом, представители центральноазиатского джадидизма прилагали огромные усилия для подъема национального и политического самосознания коренных народов Туркестана.

По оценке исследователей, джадидизм в Степном крае не получил такого развития, как, напри-

мер, в Туркестане, среди мусульман Поволжья и Крыма, и нашел свое выражение лишь в попытках реформировать начальную мусульманскую школу, внося в нее элементы европейского образования. Во многом это объяснялось тем, что в Степном крае не сложилось организационных структур, объединявших мусульманское духовенство, к тому же оно было лишено вакуфов, поэтому религиозная жизнь проявлялась почти исключительно в функционировании мечетей и начальных религиозных школ. Отсутствие образованной мусульманской духовной элиты не привело в Степном крае к формированию широкого народно-освободительного движения религиозного содержания. Свидетельством может выступить тот факт, что в крупном антиколониальном восстании в центральноазиатских окраинах Российской империи, развернувшимся в 1916 г., выступления казахов не приняли религиозную направленность.

Кроме этого, важной причиной данной ситуации стали процессы этнической консолидации традиционного казахского общества, резко обозначившиеся в начале XX вв., вызванные широкоформатной модернизацией традиционной системы ценностей и норм общежития. Важным посылом этой консолидации стало не столько обращение к исламу, сколько осознание необходимости сохранения существовавшей несколько столетий системы потестарно-родовых отношений, обеспечивавших жизнеспособность казахской общности. Поэтому, как подчеркивал казахстанский исследователь Е. Сыдыков, «алашское движение не было проникнуто явно выраженным религиозным духом» и «казахская политическая элита не испытывала тяготения к построению чисто исламского государства» [25, с. 45–46].

Прогрессивное развитие казахского традиционного общества представлялось казахской интеллектуальной элите в контексте европейских светских идей и ценностей. Показательным в связи с этим является заявление одного из лидеров движения А. Букейханова: «Мы — западники. В своем стремлении приобщить народ к культуре мы не смотрим на Восток. Наши взоры устремлены на Запад» [22, с. 44].

В то же время казахская политическая элита не могла игнорировать проблемы религиозной жизни казахского общества. Тот же А. Букейханов полагал, что ислам может выступить силой, способной объединить казахов в их возможности противостоять колониальным властям, выступить мощным ресурсом этнической консолидации. В периодических изданиях казахской интеллигенции вопросы развития ислама в казахском обществе рассматривались сквозь призму пробуждения национального самосознания. Например, газета «Айкап», издававшаяся в 1910–1915 гг., призывала: «необходимо учить-

ся либо в мусульманской, либо в русской школе», ссылаясь при этом на слова пророка Мухаммада о том, что «получать знания должны все мусульмане, и мужчины, и женщины». Причиной всех экономических и социальных проблем мусульман Востока признавался «недостаток знаний и просвещения, леность, которые оборачиваются против нас (мусульман. — Ю. Л.) Знаний и просвещения требуют от нас ислам и жизнь» [22, с. 45].

В программных установках национально-буржуазной партии Алаш, оформившейся в период революционных событий 1917 г., специальный раздел был отведен «духовно-религиозным вопросам». Прежде всего обращает на себя тот факт, что по представлениям казахских националов, «религия должна быть отделена от государства». Однако при этом светский характер идейных установок лидеров Алаш не помешал им решение «женского вопроса» оставить «на разрешение мусульманского духовного собрания, согласно требованиям Корана и киргизских обычаев». В этом же контексте предлагалось решение текущих религиозно-духовных вопросов отнести к сфере компетенции мусульманского духовного собрания, которое должно их решать «согласно обычаям киргизского народа и шариата» [26, с. 89]. В рамках решения «духовно-религиозного вопроса» лидерами алаш-ордынского движения оговаривалось создание для казахов своего мусульманского управления — муфтиата. В ведение духовенства предлагалось передать запись актов гражданского состояния как дань традиции. Программой предусматривалось предоставление права казахскому населению принимать решение о количестве мечетей в рамках одной административной единицы [27].

Осознание общих с мусульманами России проблем привело этноэлиты Туркестана и Степного края к участию в работе Мусульманской фракции Государственной думы Российской империи. Трибуна Думы стала важным механизмом решения не только религиозных проблем мусульман Центральной Азии [28]. Распространенным явлением стали ходатайства коренных народов региона к депутатам Мусульманской фракции, содержащие просьбы о прекращении земельных изъятий в Переселенческий фонд и скорейшем решении вопроса определения норм их землеустройства [29, л. 90].

В результате разгона II Государственной думы и введения нового избирательного закона от 3 июня 1907 г. мусульманские народы Степного и Туркестанского края лишились своих избирательных прав. Однако лидеры национальной интеллигенции продолжали пристально следить за деятельностью Мусульманской фракции Государственной думы и поддерживать контакты с ее депутатами. В 1916 г. по инициативе лидера фракции К.Б. Тевкелева было принято решение о создании

Мусульманского бюро — внедумской политической структуры, призванной консолидировать мусульман империи для решения их общих проблем. В феврале 1916 г. К.Б. Тевкелев лично встречался в Оренбурге с лидером этноэлиты казахов А. Байтурсыновым, приглашая последнего прибыть в Петроград для участия в работе Мусульманского бюро [30, л. 62]. Немного позднее к А. Байтурсынову присоединился А. Букейханов — один из идейных лидеров казахской интеллигенции.

В работе Мусульманского бюро, помимо делегации от казахского народа, приняли участие бывший член Государственной думы 2-го и 3-го созывов татарин Сатрутдин Максудов, редактор газеты «Юлдуз», издававшейся в Казани, Гадыя Максудов, присяжный поверенный Саид-Гирей Алкин (Казань), редактор издающейся в Оренбурге газеты «Вакт» Мухамет-Фатих Гильманович Каримов и ряд других общественно-политических деятелей мусульманских регионов России. На заседаниях Бюро широкому обсуждению были подвергнуты вопросы: 1) общей реформы управления духовными делами русских мусульман; 2) отмены всех ограничений в отношении мусульман; 3) пересмотра законоположений по управлению Туркестанским краем и о расширении прав проживающих там мусульман; 4) освобождения от призыва в войска преподавателей мектебов и медресе; 5) праздничного отдыха торговых служащих мусульман, «в смысле предоставления им права производить торговлю в дни христианских праздников»; 6) учреждения особого Казахского муфтиата; 7) общего упорядочения земельного дела в местностях, населенных казахами и, в частности, «о надлежащем обеспечении землей соплеменников их, переходящих от кочевого к оседлому быту, а также о прекращении дальнейшего наплыва переселенцев в Киргизские степи» [30, л. 38].

Анализ проблем, ставших предметом обсуждения Мусульманского бюро, позволяет утверждать, что представители этноэлит Центральной Азии придавали важное значение общероссийскому мусульманскому движению и рассматривали его как важный механизм решения не только узкосоциальных — религиозных проблем региона, но и как возможность преодоления в целом широкого спектра социально-экономических проблем колониального периода.

Таким образом, Первая русская революция 1905–1907 гг. оказала мощное воздействие на активизацию мусульманского движения как в общероссийском масштабе, так и в отдельных мусульманских анклавах страны. В этот период для мусульман Российской империи притягательными стали идеи либерально-реформистского характера — требования политического и религиозного равноправия, а также стремление к национально-культурно-

му обновлению. Интеграция народов Центральной Азии в общероссийское мусульманское движение в период Первой русской революции выразилась в их участии в «петиционной кампании», общероссийских съездах мусульман, религиозно-партийном строительстве. Важным аспектом данной интеграции стало подключение этноэлит Центральной Азии к работе в Мусульманской фракции Государствен-

ной думы Российской империи. В то же время необходимо подчеркнуть, что по своему внутреннему содержанию и требованиям религиозное движение мусульман Степного края и Туркестана имело отличительные особенности. Последние определялись особенностями правового положения мусульманских общин региона в этносоциальной структуре российского общества.

### Библиографический список

1. Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. — М., 2002.
2. Каппелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад. — М., 1997.
3. Лысенко Ю.А. и др. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные подходы и механизмы реализации (XIX — начало XX в.). — Барнаул, 2014.
4. Бахтурина А.Ю. Краины российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). — М., 2004.
5. Миронов Б.Н. Историческая социология России. — СПб., 2009.
6. Лейзерович Е.Е. Социальные и экономические итоги Российской колонизации Туркестана. — Тель-Авив, 2001.
7. Аманжолова Д.А. Мусульманское движение в России в начале XX в. // Религия, церковь в России и за рубежом. — 1995. — №6.
8. Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII — начале XX в. — СПб., 2008.
9. Сенюткина О.Н. Первый съезд мусульман России (к 100-летию проведения). — Нижний Новгород, 2005.
10. Исааков С. Российские мусульмане и революция (весна 1917 — лето 1918 гг.). — М., 2004.
11. Ислам и этническая мобилизация: национальные движения в тюркском мире. — М., 1998.
12. Мухаметдинов Р.Ф. Нация и революция (трансформация национальной идеи в татарском обществе первой трети XX в.). — Казань, 2000.
13. Усманова Д. Мусульманские представители в Российском парламенте: 1906–1916 гг. — Казань, 2005.
14. Юнусова А.Б. Ислам в Башкотарстане. — Уфа, 1999.
15. Лысенко Ю.А. Развитие исламского общественного движения в Казахстане в начале XX в. и позиция региональных органов власти // Известия Алтайского гос. ун-та. Серия: История, политология. — 2013. — №4/1.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 821. — Оп. 10. — Д. 24.
17. РГИА. — Ф. 821. — Оп. 8. — Д. 631.
18. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX — начало XX в.) : сборник документов и извлечений / под ред. Ю.А. Лысенко. — Барнаул, 2014. — Док. № 119.
19. Кузеев Р.Г. Национальные движения и федерализм в России // Этнографическое обозрение. — 1993. — №6.
20. Мажитов С.Ф. Некоторые вопросы национально-освободительного движения в Казахстане. — М., 2002.
21. Полонская Л.Р. Ислам на современном Востоке: проблемы, политики, идеологии. — М., 1998.
22. Султангалиева А.К. Ислам в Казахстане: история, этничность, общество. — Алматы, 1998.
23. Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульмане России // Ислам в Российской империи (Законодательные акты, описания, статистика) / под ред. Д.Ю. Арапова. — М., 2001.
24. Котюкова Т.В. «Мусульманский вопрос» в Туркестане в начале XX в. // Вопросы истории. — 2010. — №9.
25. Сыдыков Е. Проблемы идейной эволюции национально-освободительного движения в Казахстане // Отан тарихы. Отечественная история. — 1998. — №2.
26. Мартыненко И. Алаш-Орда: сборник документов. — Алма-Ата, 1989.
27. Бейсенбиев К.Б. Идеино-политические течения в Казахстане конца XIX — начала XX в. — Алма-Ата, 1961.
28. Малтусынов С.Н. Аграрный вопрос в Казахстане и Государственная дума России. 1906–1917 гг. (социокультурный подход). — Алматы, 2006.
29. РГИА. — Ф. 391. — Оп. 3. — Д. 455.
30. РГИА. — Ф. 821. — Оп. 133. — Д. 620.